

УДК 343.1

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS89020>

Уголовно-процессуальные сроки: новации конституционного толкования и коллизии судебно-следственной практики

Н.Н. Ковтун

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Предметом анализа в данной работе выступают правила точного исчисления и продления процессуальных сроков, особенно, установленных для применения мер процессуального принуждения, существенно ограничивающих права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства России. Исследуя пробелы и противоречия действующего нормативного регулирования в этом вопросе, автор на конкретных примерах судебно-следственной практики показывает к каким серьезным и негативным, по сути, коллизиям эти пробелы приводят на практике; оценивает и предлагает варианты устранения или минимизации этих коллизий

Ключевые слова: процессуальные сроки; меры пресечения и процессуального принуждения; приостановление производства по делу и приостановление сроков; срок; как предмет проверки суда.

Как цитировать:

Ковтун Н.Н. Уголовно-процессуальные сроки: новации конституционного толкования и коллизии судебно-следственной практики // Российский журнал правовых исследований. 2021. №4. С. 83–92. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS89020>

Рукопись получена: 25.10.2021

Рукопись одобрена: 30.11.2021

Опубликована: 20.12.2021

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS89020>

Criminal Procedure Terms: Innovations of Constitutional Interpretation and Conflicts of Judicial and Investigative Practice

Nikolay N. Kovtun

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

ABSTRACT: The subject of the analysis in this work is the rules for the exact calculation and extension of procedural terms, especially those established for the application of procedural coercion measures that significantly limit the rights, freedoms and legitimate interests of participants in criminal proceedings in Russia. Exploring the gaps and contradictions of the normative regulation, the author, using specific examples of judicial and investigative practice, shows what serious and negative, in fact, collisions these gaps lead to in practice; evaluates and proposes options for eliminating or minimizing these collisions.

Keywords: procedural terms; coercive measures; suspension of proceedings and suspension of terms; term as the subject of a court review.

To cite this article:

Kovtun NN. Criminal procedure terms: innovations of constitutional interpretation and conflicts of judicial and investigative practice. *Russian journal of legal studies*. 2021;8(4):83–92. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS89020>

Received: 25.10.2021

Accepted: 30.11.2021

Published: 20.12.2021

Объективируясь в качестве важнейшей уголовно-процессуальной гарантии прав, свобод и законных интересов личности в процессе и в целом уголовного судопроизводства России, уголовно-процессуальные сроки всегда находились в центре внимания законодателя, уголовно-процессуальной доктрины и непосредственно судебной следственной практики. Как следствие, законодатель всегда стремился к максимально точному и оптимальному определению срока каждой из стадий процесса, отдельных его производств, реализации следственных и процессуальных действий, применения мер процессуального принуждения, вынесения наиболее значимых процессуальных решений. Именно в этом строгом и изначально точно определенном контексте уголовно-процессуальный закон устанавливает правила начала и окончания исчисления наиболее значимых сроков, условия, порядок и субъектов их возможного продления, предельные и пресекающие величины (ст. 128, 109, 162, 223 УПК РФ). Для ситуаций, где исчерпывающе определить процессуальные сроки не представлялось возможным, законодатель отсылает к идее разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), одновременно определяя санкции за существенное его нарушение.

Весомую лепту в правильное понимание и точное исчисление сроков внесла и доктрина российского уголовно-процессуального права, «снятая» пробельность закона в отдельных моментах нормативного регулирования [1; 2], разъясняя противоречия норм [3], указывая оптимальные варианты разрешения коллизий текущей следственной и судебной практики [4]. В особо сложных, коллизионных правовых ситуациях в обеспечение этой процессуальной гарантии оперативно «включались» высший орган конституционного правосудия России и Верховный Суд РФ, правовыми позициями которых в большинстве случаев удавалось снять напряженность в правовом регулировании, обеспечить искомый баланс гарантий личности и отправления правосудия в уголовном процессе.

Казалось бы, в силу указанной согласованности и совместно реализованных средств, у властных правоприменителей и частных заинтересованных лиц в принципе не должно остаться вопросов относительно правильного применения, продления, исчисления сроков в уголовном судопроизводстве России. Тем более что последние в императивном порядке являются постоянным предметом контроля и проверки как со стороны непосредственного руководителя следственного органа и вышестоящих руководителей, так и надзирающего прокурора или суда — субъекта оперативного судебного контроля [5; 6].

Увы; у «семи няnek дите без глазу». Для того чтобы понять суть этой интересной константы, обратимся, во-первых, непосредственно к практике (критерий истины!); во-вторых, к судебным правовым позициям, адресованным правоприменителям в уголовном процессе России. Оценим, к примеру, «Обзор судебной практики применения судами Нижегородской области законодательства

о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога за четвертый квартал 2014 года»:

«Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, — констатируют авторы обзора, — установленный судом срок содержания обвиняемого под стражей не может выходить за пределы установленного срока следствия. Суду при исчислении срока содержания обвиняемого под стражей необходимо правильно исчислять не только сроки содержания его под стражей, но и сроки следствия, поскольку срок содержания под стражей будет ограничен сроком следствия»¹.

Поддержим. Здоровые и законные, по сути, позиции. Конечно, «не может», ибо столь исключительная мера пресечения может применяться на досудебном этапе уголовного судопроизводства России только в пределах установленного срока предварительного расследования. Отсюда, справедливы и актуальны акценты обзора в вопросе о том, что правильно следует понимать и исчислять как первые, так и вторые. Как именно правильно, авторы обзора поясняют на конкретном примере:

«Уголовное дело возбуждено в 9 час. 10 мин. 6 марта 2014 г. В соответствии с положениями ст. 128 и 162 УПК РФ двухмесячный срок предварительного следствия исчисляется с 7 марта 2014 г. (со следующего дня) и истекает в 24 час. 6 мая 2014 г., поскольку при исчислении этого процессуального срока не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока. При этом лицо было заключено под стражу в 9 час. 50 мин. 6 марта 2014 г. По смыслу ст. 109 УПК РФ течение двухмесячного срока содержания под стражей начинается 6 марта 2014 г. (час и минуты заключения под стражу во внимание не принимаются, учитывается целый день), в день заключения под стражу, а истекает в 24 час. 5 мая 2014 г., независимо от того, приходится ли его окончание на рабочий или нерабочий день»².

Возразим; что за «новации»? Здесь явно что-то не так:

- срок предварительного следствия исчисляется с 00 час. 7 марта 2014 г.; тогда как мера пресечения (заключение под стражу) применена в 9 час. 50 мин. 6 марта 2014 г.; т.е. (надо полагать?) за рамками предварительного следствия, за рамками его установленных сроков; которые нам так настоятельно рекомендуют учитывать в предыдущем абзаце. По букве обзора за рамками легального срока предварительного расследования, скорее всего (в эти же сутки: 6 марта 2014 г.) незаконно посредством производства неотложных следственных действий формировались доказательства стороны обвинения. Если это так, то подобное формирование

¹ См.: Обзор судебной практики применения судами Нижегородской области законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога за четвертый квартал 2014 года (утв. Президиумом Нижегородского областного суда 22 апреля 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.10.2021).

² Там же.

доказательств явно незаконно и в наличии уже основания, как для актов прокурорского реагирования, так и для применения мер надлежащей ответственности (за содеянное);

- кроме того, у авторов обзора явные сложности с арифметикой. Как известно, «начальный» срок предварительного следствия по нормам ст. 162 УПК РФ составляет 2 месяца. Исчислять указанный срок нам предлагают с 00 час. 7 марта 2014 г. Соответственно, по букве ст. 128 УПК РФ, днем окончания срока следует считать 7 мая 2014 г. В обзоре день окончания срока указан как 00 час. 6 мая 2014 г.;

- лицо заключено под стражу в 9 час. 50 мин. 6 марта 2014 г. «Первичный» срок применения этой меры пресечения по нормам ст. 108, 109 УПК РФ составляет 2 месяца. Исчислять указанный срок нам предлагают с 6 марта 2014 г. (все верно). День окончания срока указан как 5 мая 2014 г. Возразим, по нормам ст. 128 УПК РФ срок в 2 месяца заканчивается 6 мая 2014 г., а не 5 мая 2014 г., как нам предлагают.

Хотя нет; извинимся. Скорее всего, ошибаемся именно мы, а суд и инициаторы обзора изначально приняли во внимание и точно применили дух и букву закона; в конституционном их истолковании. Как это, к примеру, имеет место в правовых позициях Конституционного Суда РФ, сформированных в Определении от 29 января 2019 г. № 16-О:

«Согласно ст. 162 УПК РФ, — констатирует высший орган конституционного правосудия, — срок предварительного следствия исчисляется месяцами, начиная со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением или ...до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу.

<...> В соответствии с ч. 1 ст. 128 УПК РФ при исчислении сроков месяцами не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока, причем не является исключением из этого правила и исчисление срока предварительного следствия (здесь и далее выделено мной — *Н.К.*). В силу же ч. 2 ст. 128 УПК РФ срок, исчисляемый месяцами, истекает в соответствующее число последнего месяца, а если этот месяц не имеет соответствующего числа, то срок оканчивается в последние сутки этого месяца; если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день, за исключением случаев исчисления сроков при задержании, содержании под стражей, домашнем аресте, запрете определенных действий...»³.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 16-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Перевязкина В.Н. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 128, частями второй и третьей статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.10.2021).

В итоге все, по идее, «правильно»; в соответствии с буквой и духом Конституции Российской Федерации — акта высшей юридической силы и прямого действия. Соответственно, (отныне и далее) исключительно так следует понимать исчисление срока по букве ст. 128, 162 УПК РФ; тем более что в соответствии с нормами Федерального конституционного закона от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ итоговые акты конституционного правосудия актуализированы в качестве непререкаемого императива для динамики российского права: не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного правового акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом РФ (пункт «б» ч. 2 ст. 79)4.

Однако некоторый диссонанс во внутреннее убеждение о правильности этих «конституционных» констант вносят явно «неправильные» нормы уголовно-процессуального закона. К примеру: нормы части 1 ст. 128 УПК РФ, согласно которым: «Сроки, предусмотренные настоящим Кодексом, исчисляются часами, сутками, месяцами. При исчислении сроков месяцами не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом». В рамках конституционного познания этой нормы высший орган конституционного правосудия, равно как суд, предложивший исследуемый обзор, либо «не заметили», либо не приняли во внимание предписание, следующее за запятой. Между тем последнее принципиально иначе расставляет акценты и приоритеты в предмете спора. А именно: «...не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока» — общее нормативное правило; однако оно не действует в случаях, специально «предусмотренных настоящим Кодексом». Применительно к исчислению срока предварительного следствия, этот («предусмотренный!») случай закреплен в ч. 2 ст. 162 УПК РФ. И по сути последнего: «в срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела...», а не так как нам «правильно» предлагают считать.

Хотя надо оговориться. Возможно, именно мы так и не поняли всей нормативной ценности, так глубоко познанной воли закона, объективировавшей «истинное» свое содержание в указанных актах. Но в этой ситуации в наличии уже актуальная в целом потребность в приведении норм ст. 128, 162 УПК РФ в точное соответствие с (названными) конституционными правовыми позициями.

Еще более «интересной» оказалась практика в вопросах учета и исчисления сроков применительно к институту временного приостановления производства по делу по нормам ч. 1 ст. 208 УПК РФ; особенно в контексте решения всего круга вопросов, связанных с реализацией этого

⁴ См.: Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2021).

процессуального акта. Сложная диалектика исчисления суммарного срока предварительного следствия по делу и срока дальнейшего применения мер процессуального принуждения по приостановленному производству являет такие коллизии в обеспечении интересов, прав и свобод заинтересованных лиц, что конвенционально «пройти» мимо этих проблем в принципе не возможно.

Для ясности, как и ранее, определимся в исходных моментах наших подходов и сформированных на их основе итоговых выводах:

- никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком продолжительный срок, — резюмирует Конституционный Суд РФ, а законодатель обязан установить четкие и разумные временные рамки допускаемых ограничений прав и свобод⁵;

- при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также при продлении срока ее действия суду следует определять не только продолжительность периода содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей, но и дату его окончания⁶;

- принимая решение о домашнем аресте обвиняемого, суд должен указать в постановлении конкретный срок, на который избирается данная мера пресечения⁷;

- при решении вопроса о наложении ареста на имущество, ...по основаниям ч. 3 ст. 115 УПК РФ суд должен указать срок (дату — *Н.К.*), на который налагается арест на имущество, с учетом установленного по уголовному делу срока предварительного расследования и времени, необходимого для передачи уголовного дела в суд⁸.

Таким образом: правовые позиции высшего органа конституционного правосудия России, Пленума Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, по сути, однозначны в итоговых выводах:

- меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России применяются (устанавливаются судом) на строго определенный и конкретно установленный срок;

- пределы этого срока и его конечный момент должны быть согласованы с конечным сроком предварительного

расследования по делу;

- за пределами срока предварительного расследования применение мер процессуального принуждения не имеет легальных своих оснований.

Казалось бы, все максимально понятно, согласованно, юридически выверено. Однако мы возразим. И прежде всего в силу буквы закона, по смыслу которого, с одной стороны, приостановление производства по делу по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, допускается лишь по истечении установленного срока расследования. С другой стороны, дальнейшее действие мер пресечения и отдельных мер процессуального принуждения (по данному делу) поставлено в прямую зависимость от действующего срока предварительного расследования (которого в этой правовой ситуации фактически нет)⁹.

Между тем, нередко по обстоятельствам дела в наличии актуальная в целом потребность в дальнейшем применении и продлении срока действия указанных мер. И в этой ситуации законное и обоснованное решение этих вопросов следователем и судом объективируется как неотъемлемый, обязательный элемент реализации акта о приостановлении производства по делу. Наиболее коллизионные ситуации при этом, как правило, возникают при решении вопросов о пределах действия таких мер процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество в порядке ст. 115, 115.1 УПК РФ и продление (установление) срока действия меры пресечения в порядке ст. 108–109 УПК РФ. В итоге:

- применительно к основаниям пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ («за неимением» текущего (действующего) срока предварительного расследования) суд в принципе не вправе положительно решать эти вопросы, так как сроки дальнейшего применения указанных мер должны быть императивно согласованы с действующим сроком предварительного расследования (ст. 162, 223 УПК РФ); которого в наличии — нет¹⁰;

⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“ по жалобе гражданки И.Г. Черновой» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.10.2021).

⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (пункт 20). Аналогично: пп. 29 и 30 Постановления.

⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 27 января 2011 г. № 9-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аноприева А.И. на нарушение его конституционных прав статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.10.2021).

⁸ См.: Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 5 сентября 2018 г. № 44У-92/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2021).

⁹ Нормы пункта 3 ч. 1 ст. 208 и ч. 3 ст. 162 УПК РФ, исключая из срока предварительного следствия время, в течение которого расследование не производится как приостановленное, **не предполагают применение по приостановленному делу** меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении и меры процессуального принуждения в виде временного отстранения обвиняемого от должности // Определение Конституционного Суда РФ от 19 октября 2010 г. № 1364-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Штучко А.В. на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁰ Повторимся: в соответствии с конституционно-правовыми позициями суд вправе установить срок наложения ареста на имущество лишь в пределах **действующего срока** предварительного расследования. См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Белый скит» на нарушение конституционных прав и свобод частью девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2012 г. № 2227-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 3.

- применительно к основаниям пп. 3 и 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ суд обязан либо принять во внимание легальную фикцию, по сути, которой срок предварительного расследования считается «действующим» и по приостановленному производству по делу (несмотря на его юридическое приостановление). И, соответственно, продлить срок применения указанных мер «до истечения» данного срока (с неопределенностью в конкретной дате этого «чудного» акта). Либо проявить независимость и принципиальность в этих вопросах и, констатируя, что приостановленный срок предварительного расследования не может считаться «действующим», отказать в дальнейшем применении указанных мер, как не имеющих легального основания.

Есть и более интересные варианты, объективированные непосредственно практикой. Изучим, к примеру, постановление Канавинского районного суда г. Н. Новгорода от 19 апреля 2021 г. № 3/1-59/2021 по уголовному делу № 12001000021000036, которым удовлетворено ходатайство следственных органов об изменении обвиняемому С. меры пресечения с подписки о невыезде и надлежащем поведении на заключение под стражу¹¹.

Срок следствия по этому делу неоднократно продлевался; последний раз срок продлен (соответствующим) руководителем следственного органа до 08 мес. 00 суток, т.е. по 21 октября 2020 г.

21 октября 2020 г. производство по уголовному делу приостановлено на основании п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, т.к. подозреваемый С. от органов предварительного следствия скрылся, и установить его местонахождение в ходе предварительного следствия не представилось возможным.

19 октября 2020 г. в отношении С. избрана мера пресечения подписка о невыезде и надлежащем поведении¹²; в этот же день в соответствии с нормами ст. 210 УПК РФ он объявлен в межгосударственный розыск.

19 апреля 2021 г. руководителем следственного органа производство по делу возобновлено; при этом установлен срок предварительного следствия на 5 суток, т.е. до 23 апреля 2021 г. В этот же день обвиняемому С. предъявлено обвинение по признакам преступлений,

предусмотренных ч. 3 ст. 159, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159 УК РФ¹³.

Исследовав (19.04.2021) в судебном заседании ходатайство следственных органов и представленные в обоснование документы, суд постановил: изменить меру пресечения подписка о невыезде и надлежащем поведении в отношении обвиняемого С. на меру пресечения в виде заключения под стражу сроком на 02 мес. 00 суток. Срок следует исчислять с момента передачи последнего правоохранительным органам Российской Федерации в случае экстрадиции или депортации на территорию Российской Федерации либо с момента его фактического задержания на территории Российской Федерации.

Как видим, в указанной ситуации суд в принципе не считает для себя обязательными нормы о том, что:

- срок применения столь исключительной меры пресечения *a priori* не может быть неопределенным и должен быть установлен строго до конкретной (установленной судом!) даты¹⁴;

- этот же срок должен быть согласован с действующим сроком предварительного следствия по делу (у нас он, напомним, 5 суток);

- по истечении 5 суток (одновременно с очередным приостановлением производства по делу) приостановится только срок предварительного следствия, а срок в 2 мес. 00 суток (установленный судом) должен исчисляться и «...истекать» по правилам ст. 109 и 128 УПК РФ, а не так, как нам предлагает «считать» указанный суд;

- в итоге по истечении этого срока и следствие, и суд просто обязаны либо «установить» новый срок (как гарантию) и новую предельную дату его исчисления, либо мера пресечения должна быть императивно отменена.

Уголовно-процессуальный закон не урегулировал эти моменты; как следствие, на практике широко практикуются «игры», в рамках которых (при наличии оснований для приостановления производства по делу; пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) истекший срок предварительного следствия:

- либо заблаговременно «устанавливается» (соответствующим руководителем следственного органа) на несколько суток, необходимых для внесения в суд и разрешения последним ходатайств следственных органов, связанных с мерой пресечения или с продлением срока наложения ареста на имущество по нормам ст. 115.1 УПК РФ;

- либо следственные органы и суд (в рамках

¹¹ См.: Материал судебно-контрольного производства № 3/1-59/2021 по уголовному делу № 12001000021000036 // Архив Канавинского районного суда г. Н. Новгорода за 2021 год.

¹² Мы конвенционально не будем обсуждать, насколько законно подобное применение меры пресечения (подписка о невыезде) к скрывшемуся подозреваемому. Подробнее см.: Без отобрания у лица, в отношении которого принято решение об избрании подписки о невыезде и надлежащем поведении, соответствующего письменного обязательства эта мера **не может считаться примененной** и влекущей правовые последствия для подозреваемого или обвиняемого. Статья 101 УПК РФ во взаимосвязи со ст. 102 УПК РФ не позволяет применять подписку о невыезде и надлежащем поведении в отсутствие подозреваемого или обвиняемого: Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 66-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буйлова А.В. на нарушение его конституционных прав статьями 101 и 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.09.2021).

¹³ Мы также не будем обсуждать законность (и саму возможность по нормам УПК РФ) акта **предъявления обвинения** обвиняемому, который скрылся, объявлен в межгосударственный розыск и место нахождения которого неизвестно (более чем 6 мес.), ибо это не предмет нашего внимания в данной работе.

¹⁴ Аналогичные формулировки (с тем же установленным судом порядком исчисления срока) содержатся в большинстве судебных решений, тождественных указанной ситуации.

судебной проверки, связанной с разрешением внесенных ходатайств о мере пресечения, о продлении срока наложения ареста на имущество...) в принципе «не видят» нарушений закона в том, что сроки применения мер пресечения (иных мер процессуального принуждения) не приостанавливаются одновременно с приостановлением производства по делу;

- не «видят» и того, что факт их «вольного» (как в нашем примере — *Н.К.*) установления судом не является неизблемым и императивно входит в предмет проверки и оценки при каждом приостановлении и возобновлении производства по делу; при установлении очередных сроков, определяющих ход и результаты производства по делу.

Насколько практика действительно понимает и «реализует» эти моменты, проиллюстрируем на конкретном примере. Рассмотрим факты уголовного дела № 41801000113000007 (ранее — № 451468), расследуемого Следственной частью по РОПД СУ УТ МВД России по Приволжскому федеральному округу в отношении обвиняемого Р.¹⁵

Уголовное дело возбуждено 29 января 2016 г. по признакам преступления, предусмотренного пунктом «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ в отношении неустановленных лиц по факту тайного хищения имущества ОАО «РЖД» в крупном размере. С указанным делом (в разное время) соединены в одно производство еще восемь уголовных дел, возбужденных в том числе по чч. 1, 2 ст. 210 УК РФ.

18.10.2017 обвиняемому Р. «предъявлено» обвинение по признакам преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ¹⁶.

06.03.2018. дело в отношении обвиняемого Р. выделено в отдельное производство и дело принято к производству отделом по расследованию особо важных дел Приволжского СУТ Следственного комитета России.

В марте 2018 г. поступила информация, что Р. задержан на территории Республики Грузия, а 10.03.2018 Батумским районным судом Республики Грузия к нему применена мера пресечения залог.

16.04.2018 в отношении обвиняемого Р. (дополнительно) вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ч. 4 ст. 160 УК РФ. В этот же день Нижегородским районным судом г. Н. Новгорода в отношении обвиняемого Р. применена мера пресечения

заключение под стражу (ст. 108, 109 УПК РФ).

06.06.2018 следствие по этому делу приостановлено по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

30.07.2018 следствие возобновлено и установлен срок расследования на 1 мес. 00 суток (до 30.08.2018 включительно).

03.08.2018 следствие по делу приостановлено по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

05.03.2019 производство по делу возобновлено и установлен срок дополнительного следствия на 1 мес. 00 суток (до 05.04.2019 включительно).

05.04.2019, учитывая, что все следственные действия (возможные в отсутствие обвиняемого) по этому делу выполнены, а установленный срок следствия по делу истек, следователь принимает решение о приостановлении производства по делу по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Полагаем, процессуалистам не составит труда точно посчитать, в течение какого именно временного периода «действует» мера пресечения — заключение под стражу, установленная судом (16.04.2018); какое именно количество раз этот вопрос должен был стать предметом внимания следователя, соответствующего руководителя следственного органа, судебной проверки, реализуемой по правилам ст. 109 УПК РФ. Приняв, естественно, во внимание, что в «последнем» постановлении о приостановлении производства по делу (05.04.2019) следователь аккуратно считает и указывает как предельные сроки, так и субъектов их очередного установления только в части срока предварительного следствия по делу (ст. 162 УПК РФ), совершенно «забывая» посчитать и привести суммарные сроки действия столь исключительной меры пресечения.

Нам, конечно, могут возразить: в этом случае нет исходной потребности в продлении срока действия указанной меры по правилам и в порядке ст. 109 УПК РФ. Реально мера пресечения к обвиняемому не применяется, под стражей он не содержится, никаких негативных последствий «действия» столь исключительной меры не претерпевает. Последнее безусловно; но в таком случае надо признать, что условия и порядок продления (столь исключительных) сроков по нормам ст. 109 УПК РФ, система постоянного контроля за ними в виде мер ведомственного контроля, прокурорского надзора, судебного контроля — суть легальные фикции. И «считать» надо не по нормам закона, а исходя из фактического содержания обвиняемых под стражей. «Обосновать» указанное вполне можно, к примеру, актами конституционного правосудия.

И, напротив, как только суд начинает реально вникать в правила исчисления сроков, основания для дальнейшего применения мер процессуального принуждения «резко» теряют легальность для внутреннего убеждения судей.

¹⁵ Учитывая объем и предмет работы, у нас нет возможности детально указывать: каким именно органом предварительного следствия дело принималось к своему производству, кто из уполномоченных руководителей следственного органа устанавливал сроки дополнительного следствия, кто принимал те или иные решения по делу. Нам (конвенционально) важна сама суть исследуемой проблемы.

¹⁶ И здесь мы не будем содержательно комментировать, каким именно образом Р. «предъявлено» обвинение, при условии, что еще 21.02.2017 (как установлено материалами дела) он от следствия скрылся и покинул территорию Российской Федерации; в связи с чем 19.10.2017 обвиняемый Р. объявлен в федеральный розыск; 01.12.2017 — в международный розыск.

Приведем материал № 3/6-5/2001 от 12 марта 2021 г., бывший предметом проверки и оценки Кировского районного суда Кировской области, где суд верно установил:

Уголовное дело по признакам п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ возбуждено 11.12.2019; 15.10.2020 (в обеспечение заявленного по делу гражданского иска) постановлением суда наложен арест на имущество, принадлежащее обвиняемому N. Постановлениями суда от 09.11.2020, 07.12.2020, 10.02.2021 мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество продлена на срок до 12.03.2021.

12.03.2021 следователь внес в суд очередное ходатайство о продлении срока меры процессуального принуждения — наложение ареста на имущество. Из представленных в суд материалов следует, что срок предварительного следствия по этому делу неоднократно продлевался, и (очередным) постановлением от 02.02.2021 продлен до 12.03.2021. На момент рассмотрения ходатайства следственных органов срок предварительного следствия не продлен, документы об этом суду не представлены. При таких обстоятельствах суд полагает необходимым отказать в удовлетворении ходатайства следственных органов¹⁷.

Практику не «беспокоит» и то, что в дальнейшем проблемы (для следствия и суда) объективируются по нарастающей. И прежде всего в силу того, что сроки приостановления производства по делу, сроки предварительного следствия и сроки применения (отдельных) мер пресечения или наложения ареста на имущество весьма трудно согласуются между собой. Повторимся: по приостановленному производству сроки предварительного расследования не исчисляются; они приостанавливаются, и их исчисление продолжается при возобновлении производства по делу. И, напротив, это правило не распространяется на исчисление срока меры пресечения, налагаемой судом, или наложения ареста на имущество, установленного по правилам ст. 115, 115.1 УПК РФ. В итоге легко прогнозируема ситуация, при которой срок действия мер пресечения или наложения ареста на имущество, установленный судом, может закончиться, когда само производство по делу еще приостановлено и оснований для его возобновления нет. Меры процессуального принуждения будут инициативно отменены следственными органами? Сомнительно; нами такие решения не обнаружены. Напротив, в суд, как правило, вносятся очередные ходатайства о продлении срока действия меры пресечения или наложения ареста на имущество, прилагаются необходимые документы. Среди них, естественно, копии решений о процессуальных сроках (в т. ч. суммарных). Опытному судье не надо особых усилий для того, чтобы проверить: кем, когда, в каких пределах устанавливались эти сроки, как они суммарно исчисляются. Не «увидеть» манипуляций со сроками можно только

при явной заинтересованности. Отсюда проблема исключительно в том: как долго еще судьи согласятся играть в эти интересные и потенциально опасные «игры». В итоге проблему надо решать. Правомерен вопрос: посредством каких именно средств?

Отменить норму, по сути которой при приостановлении производства по делу по основаниям пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ следует (сначала) исчерпать сроки предварительного расследования (ч. 4 ст. 208 УПК РФ)? В нашей коллизии это ничего не решает. Проблема «несовпадения» и взаимозачета сроков не исчезнет; ибо одновременно с приостановлением производства по делу, приостановится только срок предварительного расследования (ст. 162, 223 УПК РФ), но никак не срок действия мер пресечения или наложения ареста на имущество. Соответственно, при очередном продлении действия указанных мер суду все равно придется решать: с учетом какого именно срока расследования надо связывать (устанавливать) очередные «предельные» сроки применения указанных мер принуждения; как их согласовывать с очередным приостановлением и возобновлением производства по делу.

Ввести норму, по сути которой (для норм ч. 1 ст. 208 УПК РФ) срок действия мер пресечения или наложения ареста на имущество приостанавливается одновременно со сроком предварительного расследования и возобновляется исчислением по аналогии с последним? Нельзя, ибо, по сути, это модификация тех известных проблем, которые многократно были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ (с известной однозначностью его итоговых выводов по этим вопросам).

Далее манипулировать сроками, в принципе не обсуждая эти вопросы в рамках оперативной судебной проверки? Но это «джентльменское» соглашение публичных субъектов процесса вряд ли устроит частных заинтересованных лиц. Именно их права, законные интересы существенно ограничены подобными актами; соответственно, ожидаемы жалобы в Конституционный Суд РФ или Европейский суд по правам человека (итоговые позиции последних также известны).

«Изюминку» рассмотренным ситуациям придает то обстоятельство, что аналогичные коллизии объективируются и в той ситуации, когда дело приостановлено по иным основаниям ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Да, применительно к пп. 3 и 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ закон не содержит условия исчерпания срока предварительного расследования по делу. В итоге, сроки применения мер пресечения или ареста на имущество в порядке ст. 115.1 УПК РФ вполне могут согласовываться и устанавливаться судом, но лишь в пределах того срока, который остался «неисчерпанным» по этому делу (ст. 162, 223 УПК РФ). Далее — те же проблемы, ибо с принятием решения о приостановлении производства по делу приостановится лишь «неисчерпанный» срок следствия, но никак ни (установленный в этих пределах) срок действия меры пресечения или наложения ареста на имущество. Соответственно,

¹⁷ См.: Материал судебно-контрольного производства № 3/6-5/2021 от 12 марта 2021 г. // Архив Кировского районного суда Кировской области за 2021 год.

скоро возникнет потребность в очередном установлении легального и конкретного определенного срока. Как следствие, объективируются те же коллизии искусственного согласования «не текущего» срока предварительного расследования и «истекшего» срока ареста на имущество или меры пресечения, с идентичными манипуляциями суда по их «взаимозачету» для целей разрешения ходатайства, с приведением в итоговом судебном решении сомнительных доводов (или вовсе без оных).

По идее, можно суммировать; но аналогичная, по сути, проблема «неожиданно» являет себя еще в одном из моментов досудебного этапа производства по делу. Речь о таком институте уголовного процесса России, как действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (ст. 221–222 УПК РФ). Конвенционально оставим «за рамками» всю систему правовых отношений, связанных с реализацией прокурором своих правомочий на этом этапе, поскольку наш «предмет» — процессуальные сроки (гарантия законного производства по делу). Напомним, некоторые из них:

- в соответствии с ч. 1 ст. 221 УПК РФ на изучение поступивших материалов дела и принятие одного из «итоговых» решений закон отводит прокурору 10 суток. В случае особой сложности дела или его большого объема этот срок может быть продлен вышестоящим прокурором до 30 суток (ч. 1.1 ст. 221 УПК РФ);

- в соответствии с ч. 2.1 ст. 221 УПК РФ на прокурора возложена императивная, по сути, обязанность проверить, насколько (ранее) установленный судом срок содержания обвиняемого под стражей¹⁸ достаточен для принятия судом одного из решений, указанных в ч. 3 ст. 227 УПК РФ. Если этот срок недостаточен (для проверки дела судом; гл. 33–34 УПК РФ), прокурор обязан внести в суд ходатайство (постановление) с целью продления срока действия указанных мер пресечения как минимум в пределах, указанных в ч. 3 ст. 227 УПК РФ (14 или 30 суток).

По идее, все согласованно; но только в том случае, если не обращаться к озвученным и императивным, по сути, правовым позициям высшего органа конституционного правосудия России. И, напротив, если их «принять во внимание», закономерно возникают вопросы.

Действующие и конкретные (предельные) сроки мер пресечения и иных мер процессуального принуждения (по ходатайству следственных органов) были установлены судом именно для целей реализации предварительного следствия. Предельный момент действия указанных мер (надеемся) точно был согласован с предельными сроками предварительного следствия по делу (и именно дата последнего была установлена

судом как пресекательная). Помним и то, что предварительное следствие, по идее, окончено составлением обвинительного заключения и направлением дела прокурору. В итоге, на каком основании (за пределами легального срока следствия) к обвиняемому или в отношении обвиняемого все еще применяются меры пресечения и иные меры процессуального принуждения (например, наложение ареста на имущество)? Прокурор, реализуя свои полномочия в рамках ст. 221 УПК РФ, разве не обязан немедленно отреагировать на незаконное содержание обвиняемых под стражей (за рамками предельно установленного срока)? Соответственно, суд, к которому обращается прокурор в порядке ч. 2.1 ст. 221 УПК РФ (в целях продления срока содержания обвиняемого под стражей в контексте норм ч. 3 ст. 227 УПК РФ), он также «не видит» явных нарушений закона. Нарушений настолько существенных (фундаментальных), что суд *a priori* не вправе удовлетворять ходатайство прокурора. Материалы изученных дел свидетельствуют, «не видит».

Есть, правда, и более «компетентные» варианты. Суть последних заключается в том, что отдельные прокуроры в принципе не считают возможным изучать поступившие материалы дела и принимать «итоговые» решения, если следователь заблаговременно не продлил сроки следствия и, конечно, сроки действия мер пресечения минимум до 24 суток (10 — «для прокурора»; 14 — «для суда»). В итоге, такие дела закономерно возвращаются в следственный орган. Следователи, в свою очередь, вынужденно «продляют» как сроки предварительного следствия, так и (посредством обращения в суд; ст. 109, 165 УПК РФ) сроки применения мер процессуального принуждения. Суд закономерно «санкционирует» эти следственные ходатайства. В итоге «и волки сыты, и овцы целы».

При этом, правда, несколько «забываются» (ранее озвученные) конституционно-правовые позиции. К примеру: о том, что срок мер процессуального принуждения всегда должен быть согласован с (действующим) сроком предварительного следствия. Или о том, что с окончанием последних сроки действия мер принуждения «пресекаются». Наконец, о том, что, если при подобном продлении имеются в виду уже сроки и полномочия, установленные для иных стадий производства по делу (гл. 31, 33–34 УПК РФ), то подобные решения должны приниматься уже не «всегда и всем обязанным» следователем, а управомоченными законом субъектами. В нашем случае, прокурором (ч. 2.1 ст. 221 УПК РФ); впоследствии — инициативно судом (гл. 33–34 УПК РФ).

В итоге, и с этих позиций, озвученные проблемы рано или поздно надо решать: то ли путем нового «конституционного» толкования, то ли посредством исчерпывающих разъяснений от пленума, то ли при помощи необходимых новаций в закон. Пока же проблемы как бы «не существует» ни для закона, ни для практики, ни для уголовно-процессуальной доктрины. Проблемы у обвиняемых? А это кому-нибудь еще интересно?

¹⁸ Аналогично: для таких мер пресечения, как домашний арест, запрет определенных действий, предусмотренных п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, которые мы (для целей работы) конвенционально принимать во внимание не будем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова Г.Б. Сроки как элемент уголовно-правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. Саратов: Саратовская государственная академия права. 2006. 182 с.
2. Маслов И.В. Правовая регламентация уголовно-процессуальных сроков (досудебное производство): монография. Москва: Юрлитинформ, 2004. 160 с.
3. См.: Шараева А.Я. Процессуальные сроки и порядок их исчисления в уголовно-процессуальном праве России // Юрист-Правоведъ. 2017. №2 (81). С. 554–559.
4. См.: Калиновский К.Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинград. юрид. журнал. 2005. № 2 (3). С. 139–145.
5. См.: Лавдаренко Л.И. Сроки в уголовном судопроизводстве / Под ред. И.В. Смольковой. Иркутск. Изд-во: Иркутский ин-т повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры РФ. 2004. 41 с
6. Алексеев И.М. К вопросу о классификации сроков уголовного судопроизводства // Вестник СГЮА. 2012. № 3 (86). С. 223–227.

REFERENCES

1. Petrova GB. Sroki kak element ugovovno-pravovogo regulirovaniia ugovovno-protssesualnoi deiatelnosti. Saratov: Saratov State Academy of Law, 2006. 182 p. (In Russ.)
2. Maslov IV. Pravovaia reglamentatsiia ugovovno-protssesualnykh srokov dosudebnoe proizvodstvo monograph. Moscow: Yurlitinform, 2004. 160 p. (In Russ.)
3. Sharaeva AIA. Protssesualnye sroki i poriadok ikh ischisleniia v ugovovno-protssesualnom prave Rossii. *Jurist-Pravoved*. 2017;2(81):554–559. (In Russ.)
4. Kalinovskii KB. Protssesualnye sroki v ugovovnom sudoproizvodstve i ikh reglamentatsiia po Ugovovno-protssesualnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. *Leningrad. jurid. journal*. 2005;2(3):139–145. (In Russ.)
5. Lavdarenko LI. Sroki v ugovovnom sudoproizvodstve. Ed IV Smolkova. Irkutsk. Publishing house: Irkutsk Institute for Advanced Training of Prosecutorial staff of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2004. 41 p. (In Russ.)
6. Alekseev IM. K voprosu o klassifikatsii srokov ugovovnogo sudoproizvodstva. *Bulletin of the SGLA*. 2012;3(86):223–227. (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Николай Николаевич Ковтун, доктор юридических наук, профессор; e-mail: kovtunnov@mail.ru

AUTHOR INFORMATION

Nikolay N. Kovtun, doctor of law, professor; e-mail: kovtunnov@mail.ru